Своими путями.

На смѣну безнадежно трафаретнымъ и потому глубоко реакціоннымъ устремленіямъ верховъ русскаго бѣжества все ярче пробивается наружу новое общественное теченіе, которое громко заявляетъ, что оно желаетъ «вмѣстѣ съ молодымъ поколѣніемъ Россіи явиться строителемъ жизни» и что для этого оно вынуждено идти своими путями, оговариваясь, что «не наша вина въ томъ».

«Своими путями» — такъ и называется журналъ, въ которомъ это теченіе пытаются оформить. Оно образуется той молодежью, которой «жизнь коснулась своимъ безпощаднымъ крыломъ». Это — то поколѣніе, которое «обошло фронтовыя полосы съ издѣвательствами, вшами и шомполами», относительно котораго французскій соціологъ Лебонъ съ большимъ удовлетвореніемъ говоритъ, что «только коллективъ существуетъ, личность по нѣнится ни во этот, и въ этомъ усматриваетъ «первыя послѣдствія» войны. Это — поколѣніе массами «жертвовавшее своей жизнью», свыкшееся съ мыслью, что таково и есть назначеніе человѣка. Послѣ всего, что ему пришлось перенести, теперь оно считаетъ себя мудрѣе отцовъ. «Молодое поколѣніе нашихъ дней съ преждевременной сѣдиной пересрело стариковъ, опытомъ».

Это притязаніе вызвало уже возраженіе со стороны представителя стараго поколѣнія, смиренно наше гордости называющаго себя архаическаго романтической кличкой «вѣчнаго студента». Онъ полагаетъ, что офицеръ бѣлой арміи можетъ искренне думать, что живущая въ той же Чехословакіи («Своими путями» издается въ Прагѣ) старушка Брешковская переживала и передумала меньше его... На такое увлеченіе современный молодой человѣкъ все же имѣетъ нѣкоторое право. Это замѣчаніе сразу же изобличаетъ всю глубину непониманія сущности разыгравшейся катастрофы. Сколько бы маститая К. Брешковская ни страдала въ тюрьмахъ и на каторгѣ, она всегда сознавала себя личностью и самая борьба, которую вело съ ней царское правительство, показываетъ, какое значеніе личности придавалось. А помимо того, «бабушка» всегда чувствовала себя въ атмосферѣ широкаго сочувствія и симпатій, неизмѣнно поддерживавшихъ бодрость духа. Что же здѣсь общаго съ переживаніями тѣхъ милліоновъ, которые были обречены войной и революціей на массовую гекатомбу. «Мы видѣли, говорится въ журналѣ, бѣлое лицо смерти отвратительной... намъ наложили запретъ на собственное мнѣніе, насъ, избивали шомполами, насъ морили въ тюрьмахъ, насъ заставляли созерцать смерть близкихъ». Такого «опыта», какой пріобрѣли прошедшіе эту десятилѣтнюю школу, не могли дать раньше и муфасаловы вѣка.

И эта разница не только количественная, но и фундаментально качественная, ибо все, что приходилось претерпѣвать при «проклятомъ режимѣ», не выходило обычно за предѣлы того, къ чему сознаніе привыкло; изобороть тѣ ощущенія и переживанія, которыя вызвала мировая война и революція, даже и не рисовались человѣческому воображенію.

Естественно поэтому, что тѣ, которымъ удалось чудомъ остаться въ живыхъ, рѣшительно отрекаются отъ прошлаго. «Цѣлой происшедшихъ грандіозныхъ потрясеній не покушается лишь скромная ревизія въ прежнемъ мірѣ идей, вѣрованій и чувствъ». Прежде было очень просто — нужно было только разложить на столѣ пачку программъ и выбрать изъ богатаго ассортимента ту, что больше по душѣ. Теперь «старые призывы уже не волнуютъ, но магнетизируютъ священные догматы, съ силой заклинаній увоснившіе когда то къ новымъ далямъ». Вмѣстѣ съ «Новымъ Временемъ» они отмечаютъ и «Соц. Вѣстникъ» и для нихъ «подготовиться къ полезной практической работѣ при всякой формѣ правленія важнѣе, чѣмъ ломать голову надъ тѣмъ, какая же изъ нихъ лучше».» Для тѣхъ, относительно немногихъ, которые уцѣлѣли отъ жестокой бойни и отъ бѣгѣй, которые «въ эмиграціи перемѣнили 18 профессій, отъ торговца до прачешника», для нихъ «предѣломъ поэтическихъ мечтаній является жизнь какъ таковая». Продѣланный опытъ привелъ ихъ къ тому заключенію, что «золотая середина не золото, а дерзаніе—можетъ быть воплотимое лишь въ потомствѣ». Поэтому всякъ своечокъ знай свой шестокъ и будемъ «расчитывать слѣдующій шагъ, а не лѣзть сломя голову за кусочкомъ сала въ мышеловку, чтобы дѣти, увидѣвъ гибель родителей своихъ... не прокляли отцовъ своихъ за глупость».

Все это далеко не ново. Въ восьмидесятыхъ годахъ Кавелинъ въ своей нашумѣвшей тогда книгѣ убѣждалъ, что «жизнь не имѣетъ никакой цѣли. Пока мы живемъ, мы создаемъ себѣ безпрестанно какія нибудь цѣли». Но «Своими Путями» отнюдь и не притязаетъ на возвѣщеніе какого нибудь новаго слова. Напротивъ, они сознательно, повитимому, лишаютъ свою проповѣдь всякаго нафоса, настойчиво подчеркивая, что «ничто на землѣ не ново и всякому овощу свое время». И если приведенныя слова Кавелина адресовались къ молодежи, чтобы преодолѣть въ ней развивавшееся taedium vitae, то теперь аналогичныя слова употребляются для того, чтобы оправдать ненасытимую жажду жизни.

Изъ революціоннаго наслѣдія «своепутѣйцы берутъ, какъ бы для курьеза, только одно: ненавистную формулу — постольку-поскольку, но и то лишь для того, чтобы воспользоваться ею по правилу клинъ клиномъ вышибай. Это роковое разлагающее: постольку-поскольку, какъ нарѣчіе, пышно расцвѣло на почвѣ партійной сакраментальности; которая стояла выше всѣхъ интересовъ. Своепутѣйцы же хотятъ воспользоваться ею имѣнно противъ «преувеличеннаго значенія раціонализма, догматизма, аввакумовщины». Они отрицаютъ «фанатическую категоричность и неуклонную прямолинейность» и надѣются, что, въ результатѣ принесенныхъ войнѣ и революціи безцѣнныхъ жертвъ, найдено будетъ нѣчто новое на мѣсто обанкротившихся формъ политическаго и соціальнаго уклада.

Появленіе названнаго журнала встрѣчено было въ зарубежной печати кисло-сладко. «Послѣднія Новости» сначала осторожно привѣтствовали, а затѣмъ стали предостерегать молодежь отъ такихъ попутчиковъ. «Дни» заявили что они преисполнены почтенія къ «Своимъ Путямъ», но не испытываютъ никакой зависти. Вполнѣ понятно, что не только вѣчные студенты, но и вообще старшее поколѣніе не можетъ симпатизировать такому настроенію и такимъ устремленіямъ, у которыхъ слова; какъ «интеллигенція, идеологія не въ почетѣ и не въ модѣ». Такъ примѣрно чувствовалъ себя Герценъ во Франціи въ расцвѣтѣ послѣ революціонаго мѣщанства. Но снявши голову по волосамъ не плачутъ и весь вопросъ въ томъ, насколько это явленіе симптоматическое, типичное. А въ журналѣ правильно указывается, что оно ярко характеризуетъ не только эмигрантское настроеніе, но и міросозерцаніе русской молодежи. Именно тамъ и выдвигается формула: просто учиться, работать, жить, отдаться полезной практической работѣ. Въ этомъ то — хочешь не хочешь — и состоитъ главнѣйшее «завоеваніе революціи».

Но требовалось особой проницательности, чтобы его предвидѣть заранѣе. Ал. Блокъ въ статьѣ о крушеніи гуманизма предсказывалъ, что формируется новый человѣкъ, который «только способен будетъ жадно жить и дѣйствовать въ сл крѣпчайшей эпохѣ бурь». И с бя я отнюдь не считаю пророкомъ оттог что еще въ 1918 году, когда большевиам только расправлялъ крылья, писалъ, чт важнѣйшимъ результатомъ войны и рев люціи жажда личной жизни, торжество ин дивидуализма.

Теперь же, когда это «завоеваніе» уж даетъ себя знать, — поздно полемизиро вать и спорить о томъ, кто лучше, кт благороднѣе и т. д. — отцы или дѣти Теперь остается всесторонне освѣтить и понять новое теченіе и не дать ему раз виться до крайностей. Пока еще своепутѣ цы достаточно скромны. Только что на родившись они уже предвидятъ конец свой и допускаютъ, что «внуки снова смо гутъ заблуждаться о прогрессѣ».

І. Гессенъ.

Печать.

Состоялся докладъ тов. Межлаука о положеніи и перспективахъ металлопромышленности. Конечно, все обстоитъ какъ нельзя лучше.

Въ истекшемъ операціонномъ году металлопромышленность превзошла перспективный планъ развитія и могла выдвинуться на мѣсто соотвѣтствующее уровню возстановленія другихъ отраслей промышленности.

Далѣе появляется, какъ это случилось и въ чемъ оно выразилось. Итакъ, во первыхъ,

первоначально намѣченная производственная программа сокращена была съ 306 милліоновъ рублей до 273 милл. рублей.

Этотъ основной моментъ соотвѣтственно, конечно, отразился на всемъ. Такъ, въ связи съ сокращеніемъ программы противъ первоначальнаго варіанта намѣчено сокращеніе рабочей силы на 14 600 человѣкъ.

Но все же благодаря этимъ мѣрамъ свидѣтельствующимъ объ успѣхѣ удалось достигнуть хотя бы того, чтобы урегулировать цѣны.

Цѣны должны быть установлены на принципѣ самоокупаемости.

Вслѣдъ за установленіемъ этого принципа дальше опять таки выясняется, что дотаціи промышленности увеличиваются.

Дотаціи металлопромышленности въ нынѣшнемъ году опредѣлены въ 36 милл. руб. противъ 31 милліоновъ въ прошломъ году.

Успѣхи завершаются все возрастающей задолженностью рабочимъ по заработной платѣ. И предѣлъ мечтаній заключается въ томъ, чтобы

наростаніе задолженности по зарплатѣ въ дальнѣйшемъ было недопустимо.

Таковы конкретныя доказательства того что все обстоитъ благополучно.

*

«Соц. Вѣстникъ» въ послѣднемъ номерѣ заканчиваетъ отчетъ объ анкетѣ, произведенной соц.-дем. по деревнямъ. Наиболѣе яркое явленіе, отмѣчаемое въ этой анкетѣ — указаніе на то, что

изъ самыхъ различныхъ уголковъ Россіи съ какой-то поразительной правдивостью всѣ авторы

указываютъ на напряженное ожиданіе войны. Это настолько невѣроятно, «Соц. Вѣстн.» считаетъ нужнымъ оговориться.

Если бы мы не знали насколько бросовѣстно и объективно наши трудники составляли свои работы, могли бы усумниться въ этомъ фактѣ, который играетъ, повидимому, отв ную роль въ крестьянскихъ настроеніяхъ.

Сколько бы не убѣждать крестьянъ, что войны ждать не откуда, они этому не вѣрятъ.

Обыкновенно крестьяне нетерпѣливо прерываютъ:

Чего ты намъ говоришь: война дать. Вотъ ждемъ.

Война ожидается для того, что устроить новую революцію.

Та революція (т. е. 17-го года) наша, мы устроимъ свою, мужицк

*

Между республиканскими демократами опять вспыхнула жестокая полемика, поводомъ къ которой послужилъ актуальнѣйшій вопросъ о правѣ лишать слова большевиковъ. «Дни» обидѣлись на «послѣднія Новости» и сравнили ихъ съ «Новымъ Временемъ».

Обѣ газеты другъ друга обвиняютъ извращеніяхъ мысли, въ контрреволюціонныхъ устремленіяхъ, въ партійности и т. д. Послѣдній отвѣтъ «Дней» заканчивается опять тяжкимъ обвиненіемъ.

Кстати доводы «Послѣднихъ Новостей» противъ нашего пониманія дѣловъ демократической репрессіи освобождаютъ насъ отъ отвѣта «Новому Времени», которое въ статьѣ «Народовластіе и самоуправленіе» трогается но какъ и во всемъ сходится съ ор номъ республиканскихъ демократов

Трудно удержаться отъ того, чтобы не вспомнить о ссорѣ Ивана Ивановича с Иваномъ Никифоровичемъ, но почтенны республиканско - демократическіе органы такъ захвачены этой перебранкой, что а были о всѣхъ злобахъ дня и посвящаю ей передовыя статьи.

Къ Родинѣ.

Ночь дана, чтобъ думать и курить,
и сквозь дымъ съ тобою говорить.

Хорошо... Пошуруживать мышь,
много звѣздъ въ окнѣ и много крышъ.

Кость въ груди нащупываю я:
родина, вотъ эта кость — твоя...

Вздухъ твой, вошедшій въ грудь мою,
я тебѣ стихами отдаю.

Синей ночью рдяная ладонь,
охраняла вербный твой огонь.

И тоскуютъ внадины ступней,
по землѣ пронзительной твоей.

Такъ все тѣло — только образъ твой,
а душа, — какъ небо надъ Невой.

Покурю и ляну и засну,
и твою почувствую весну:

уголъ дома, памятный дубокъ,
граблями расчесанный песокъ.

В. Сиринъ.

Schöne Aussicht.

... Вечеръ былъ опять прекрасный, и мы опять сидѣли подъ греческимъ куполомъ бесѣдки надъ обрывомъ, глядя на долину, на Рейнъ, на голубыя дали къ югу и низкое солнце на западѣ. Наша дама поднесла лорнетъ къ глазамъ, посмотрѣла на колонны бесѣдки, — онѣ, конечно, сверху до низу покрыты надписями туристовъ, — и сказала своимъ обычнымъ медленно-презрительнымъ тономъ:

— Чувствительный нѣмецъ свято чтитъ эти узаконенныя путеводителями «мѣста съ прекраснымъ видомъ». И считаетъ непремѣннымъ долгомъ расписаться: былъ и любовался Фритъ такой-то.

Старичокъ сенаторъ тотчасъ-же возразилъ:

— Но позвольте скромно замѣтить, что тутъ есть фамиліи и французскія, и англійскія, и русскія, и всякія иныя прочія.

— Все равно, — сказала дама. — Если есть, то тѣмъ хуже. Это какъ у Чехова: «Сію станцію проѣзжалъ Ивановъ седьмой». И совершенно справедливая резолюція слѣдующаго проѣзжаго: «Хоть ты и седьмой, а дуракъ!».

Всѣ мы засмѣялись и, вспоминая нѣкоторыя крымскія и кавказскія мѣста, особенно изобилующія расписывающимися Ивановыми, всѣ болѣе или менѣе блеснули остроуміемъ надъ путешествующимъ обывателемъ, а старичокъ пожалъ плечомъ и сказалъ:

— А я думаю, господа, что наше остроуміе надъ пошлостью этого обывателя гораздо пошлѣе, не говоря уже о вашемъ безсердечіи а кромѣ того и о лицемѣріи, ибо кто-же изъ васъ тоже не расписывался въ томъ или другомъ мѣстѣ и въ той или иной формѣ? Расписывается (и будетъ расписываться во вѣки вѣковъ) вовсе не одинъ Фритъ или Ивановъ. Все человѣчество страдаетъ этой слабостью. Вся земля покрыта нашими подписями, надписями и записями. А литература, а исторія? Вы думаете, что Гомеромъ или Толстымъ, или Несторомъ руководилъ не тѣ же самыя побужденія, что и седьмымъ Ивановымъ? Тѣ-же самыя, увѣряю васъ.

— Охъ, оволь бы приверженъ къ парадоксамъ, ваше высокопревосходительство! — сказала дама.

Но старичокъ невозмутимо продолжалъ:

— Говорятъ, что человѣкъ есть говорящее животное. Нѣтъ, вѣрнѣе, человѣкъ есть животное пишущее. И количеству, и разнообразію человѣческихъ надписей, — если ужъ говорить только о надписяхъ,— положительно нѣтъ числа. Однѣ вырѣзаны, выбиты, другія начертаны, нарисованы. Однѣ собственной рукой, другія рукой наслѣдниковъ, внуковъ, правнуковъ. Однѣ вчера, нынче, другія десять, сто лѣтъ тому назадъ или-же вѣка, тысячелѣтія. Онѣ то длинны, то кратки, то горды, то скромны, даже чрезмѣрно скромны, то пышны, то просты, то загадочны, то какъ нельзя болѣе точны, то безъ всякихъ датъ, то съ датами, говорящими не только о мѣсяцѣ и годѣ того или иного событія, но даже и о числѣ, о часѣ; онѣ то пошлы, то изумительны по силѣ, глубинѣ, поэзіи, выраженной въ какой-нибудь одной строкѣ, и во сто разъ цѣннѣе многихъ и многихъ такъ называемыхъ великихъ произведеній словесности. Въ концѣ же концовъ всѣ эти несомнѣнные и столь другъ на друга не похожіе человѣческіе слѣды производятъ разительно одинаковое впечатлѣніе. Такъ что если уже смѣяться, то слѣдуетъ уже смѣяться надо всѣми. Въ Римѣ въ тавернѣ написано: «Здѣсь ѣлъ и пилъ въ прошломъ столѣтіи художникъ Ивановъ», — далеко не седьмой, какъ изволите знать. Въ Москвѣ стоитъ бѣлый домъ на бульварѣ. И тоже надпись: «Здѣсь жилъ и умеръ Гоголь». А не сохранилось-ли надписи на подоконникѣ въ Миргородѣ о томъ, что въ позапрошломъ столѣтіи нѣкто ку шалъ однажды, съ отмѣннымъ удовольствіемъ дыню? Весьма возможно. И, по моему, между этими тремя надписями нѣтъ ровно никакой разницы...

— Мнѣ вотъ сейчасъ пришло въ голову, — продолжалъ онъ: — гдѣ я на своемъ вѣку бывалъ и какія надписи видѣлъ? Оказывается, даже и счесть невозможно. Надписи перстнями на зеркалахъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ... Надписи клинописью. Надписи на колоколѣ въ заштатномъ городѣ Чернавѣ, — имя отечество и фамилія купца такой-то гильдіи, создателя сего колокола. Гіероглифы на обелискахъ, на развалинахъ Карнакскихъ капищъ. Надписи на триумфальныхъ цезарскихъ аркахъ. Каракулями карандашемъ на голубѣ возлѣ одного святого колодца въ непролазной глушѣ Керженскихъ лѣсовъ: «Посѣтили грѣшны Ефимъ и Прасковья». Надпись сказочно-великолѣпной вязью въ мечетѣ Омара, въ Аія-Софіи, въ Дамаскѣ, въ Каирѣ. Тысячи именъ и инициаловъ на старыхъ деревьяхъ и на скамейкахъ въ усадьбахъ и городахъ, въ Орлѣ и Кисловодскѣ, въ Царскомъ Селѣ и въ Ореандѣ, въ Нескучномъ и въ Версалѣ, въ Веймарѣ и Римѣ, въ Дрезденѣ и Палермо. Больше же всего, конечно, эпитафій. Гдѣ? Опять таки даже счесть трудно. На деревянныхъ и каменныхъ крестахъ, на всяческихъ мавзолеяхъ, на гранитныхъ и сикоморовыхъ саркофагахъ, на пеленахъ мумій, на мѣдныхъ доскахъ, на желѣзныхъ плитахъ, на урнахъ и стеллахъ, на драгоцѣнныхъ шаляхъ, покрывающихъ гробы халифовъ,

Телеграммы.

Возстаніе въ Албаніи.

(Отъ собственнаго корреспондента.)

Римъ, 23. 12.

По сообщенію «Giornale d'Italia» изъ Тираны, повстанческія банды угрожаютъ албанской столицѣ. Въ районѣ Дафилэ въ пятнадцати километрахъ отъ Тираны идетъ кровавый бой. Въ Тиранѣ слышится грохотъ пушекъ. Фанъ-Ноли призвалъ къ оружію все мужское населеніе Тираны, способное къ ношенію оружія. Граждане города отправились процессіей къ дому итальянской миссіи и вручили итальянскому дипломатическому агенту ходатайство къ итальянскому правительству о помощи противъ повстанцевъ. Во время демонстраціи раздавались крики «долой Югославію».

У правительственныхъ войскъ насчитывается нѣсколько сотъ раненыхъ. Два важныхъ горныхъ прохода заняты повстанцами. При отраженіи нападенія повстанцевъ одна рота правительственныхъ войскъ потеряла почти весь свой составъ.

*

Парижъ, 23, 12.

Агентство Гаваса сообщаетъ изъ Бѣлграда:

По свѣдѣніямъ утреннихъ газетъ правительственныя войска были разбиты повстанцами въ сраженіи у Чафа Мура. Отрядъ повстанцевъ вступилъ въ Тирану. Другой отрядъ повстанцевъ занялъ городъ Крогу и прервалъ всякое сообщеніе между Дураццо, Тираной и Скутари. По сообщенію газеты «Время», Скутари тоже находится въ рукахъ повстанцевъ.

Албанія и СССР.

(Сообщеніе агентства Авала.)

Бѣлградъ, 23. 12.

Тотъ фактъ, что дипломатическій представитель совѣтскаго правительства въ Тиранѣ, Кровавенкій, по желанію Фанъ-Ноли выѣхалъ оттуда, истолковывается въ бѣлградскихъ политическихъ кругахъ въ томъ смыслѣ, что Фанъ-Ноли желаетъ этимъ замаскировать свои сношенія съ Москвой.

Націоналистическое движеніе въ Индіи.

(Отъ собственнаго корреспондента.)

Лондонъ, 23. 12.

Въ Калькуттѣ состоялось собраніе делегатовъ открывающейся въ пятницу всеиндійской конференціи націоналистовъ.

Главнымъ предметомъ обсужденій послужитъ попытка Ганди достичь объединенія всѣхъ націоналистовъ на основѣ программы Даса, принятой имъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Ради этой программы Ганди пожертвовалъ своей собственной программой непротивленія силѣ. Ганди успѣлъ уже убѣдить сторонниковъ своей прежней программы послѣдовать за нимъ на новомъ пути. Въ какую конкретную форму будетъ облечена новая программа, сказать пока трудно, такъ какъ соглашеніе между Ганди и Дасомъ еще не опубликовано въ подробностяхъ.

Нота объ эвакуаціи кельнскаго района.

(Отъ собственнаго корреспондента.)

Парижъ, 24. 12.

Французское министерство иностранныхъ дѣлъ предполагаетъ въ отвѣтъ на заявленія германскихъ пословъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Брюсселѣ выработать ноту, которая будетъ вручена конференціей пословъ въ субботнемъ засѣданіи. Директоръ политическаго департамента Ларошъ, юридическій консультантъ министерства иностранныхъ дѣлъ Фрамажо и начальникъ генеральнаго штаба маршала Фоша генералъ Дестикеръ втера работали цѣлый день надъ составленіемъ ноты. Вслѣдъ затѣмъ они имѣли совѣщаніе съ премьеромъ Эрріо. По одобреніи ноты конференціей пословъ она будетъ отправлена въ Берлинъ.

Содержаніе ноты пока извѣстно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Утренніе газеты утверждаютъ, что въ ней будетъ указано на неудовлетворительные результаты военнаго контроля, произведеннаго въ Германіи междусоюзной военно-контрольной комиссіей.

Газеты добавляютъ, что военно-контрольная комиссія не можетъ представить свой окончательный докладъ къ 10-му января. Между тѣмъ только послѣ его представленій союзныя правительства могутъ произвести обмѣнъ мнѣній и установить срокъ эвакуаціи кельнскаго района.

Поѣздка Красина въ Москву.

Парижъ, 23. 12.

Въ серединѣ января Красинъ выѣзжаетъ въ Москву. Поѣздка эта вызывается желаніемъ Красина поставить совѣтское правительство въ извѣстность о затрудненіяхъ встрѣченныхъ имъ въ Парижѣ, и сговориться съ Москвой о мѣрахъ къ устраненію этихъ затрудненій. Переговоры между Де Монзи и Красинымъ обнаружили, что для соглашенія между Франціей и Россіей необходимо удовлетвореніе требованій Франціи. Франція требуетъ, 1) полнаго признанія довоенныхъ долговъ Россіи; 2) возмѣщенія потерь, понесенныхъ французскими подданными вслѣдствіе націонализаціи ихъ имущества. Французское правительство заявило Красину, что совѣтское правительство расчитывать не можетъ на полученіе во Франціи кредита. Французское правительство не берется гарантировать какія нибудь кредитныя операціи совѣтской власти.

Смѣна торгпредовъ въ Вѣнѣ.

Вѣна, 23. 12.

Переведенный въ Парижъ совѣтскій представитель въ Вѣнѣ Ауссемъ слѣлалъ сегодня визитъ австрійскому президенту Гайнишу и вручилъ ему письмо о своемъ отозваніи. Черезъ полчаса президентъ принялъ новаго совѣтскаго полпреда Іоффе, который вручилъ ему вѣрительную грамоту. Во время аудиенціи Іоффе у президента Гайнища рота солдатъ отдала совѣтскому полпреду воинскія почести.

Пріемка Врангелевскаго флота.

Парижъ, 24. 12.

По сообщенію «Petit Journal», Красинъ увѣдомилъ французское правительство, что 26-го декабря въ Бизерту прибудетъ совѣтская морская комиссія для пріемки врангелевскаго флота.

Бунтъ въ тюрьмѣ.

По полученнымъ въ Берлинѣ свѣдѣніямъ въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія вспыхнулъ грандіозный бунтъ. Въ камеру, въ которой находились лица по обвиненію въ экономическомъ, военномъ и политическомъ шпіонажѣ былъ подосланъ агентъ ГПУ, который подъ видомъ заключеннаго пытался спровоцировать арестованныхъ. Они были опознанъ и жестоко избитъ находящимися въ камерѣ. Подоспѣвшіе агенты ГПУ и красноармейцы произвели рядъ арестовъ, причемъ во время столкновенія было много ранено, а на слѣдующіе дни нѣсколько человѣкъ изъ этой камеры были разстрѣляны. Послѣдствіемъ этого и явился общій бунтъ заключенныхъ. При попыткѣ агентовъ ГПУ, милиціи и красноармейцевъ водворить порядокъ, произошла схватка съ арестантами и многіе были ранены и убиты на мѣстѣ, а черезъ нѣсколько дней около 150 человѣкъ изъ всѣхъ камеръ было разстрѣляно.

Въ ближайшемъ номерѣ

НАШЕГО МІРА:

Петръ Кожевниковъ — Городскіе блики

Дочь эмигр. (по Ленотру)

Иллюстраціи

На святкахъ

Гамлетъ въ Худож. Театрѣ. Батальн. живопись револ. Совѣтскій юморъ — Карикатура Mad'a (Типы Сов. Россіи)

Шарады, Загадки, Шахматы.

„Націонализація" передъ американскимъ судомъ.

По иску, предъявленному русскому страховому обществу, дѣйствующему въ штатѣ Нью-Іоркъ, верховный судъ штата Нью-Іоркъ установилъ, что декреты, изданные совѣтскимъ правительствомъ, въ частности декретъ о націонализаціи не можетъ быть признанъ американскимъ судомъ въ виду непризнанія американскими федеральными властями совѣтскаго правительства.

Судъ указываетъ въ своихъ мотивахъ, что даже признаніе совѣтской власти англійскимъ правительствомъ не освобождаетъ націонализованное въ Россіи общество, продолжающее дѣйствовать въ Америкѣ, отъ его обязательствъ даже передъ англійскимъ же предпріятіемъ, поскольку дѣло входитъ въ компетенцію американскаго суда.

Демонстрація довѣрія къ президенту Эберту.

Во вторникъ кабинетъ принялъ рѣшеніе въ полномъ составѣ посѣтить въ среду президента Эберта. Это рѣшеніе было выполнено въ 11 час. утра.

Члены кабинета явились съ вице-канцлеромъ Ресомъ во главѣ. Канцлера Мариса въ настоящее время нѣтъ въ Берлинѣ и потому онъ явиться не могъ.

Кабинетъ вручилъ президенту заявленіе, въ которомъ выражается полное довѣріе къ нему и благодарность за его неизмѣнно патріотическую дѣятельность.

Это заявленіе имѣетъ крупное политическое значеніе. Оно подчеркиваетъ въ отвѣтъ на приговоръ магдебургскаго суда признаніе патріотическихъ мотивовъ Эберта, руководившихъ во время забастовки рабочихъ военныхъ заводовъ въ январѣ 1918 года.

*

Въ подробной мотивировкѣ приговора магдебургскаго суда по дѣлу объ оскорбленіи президента Эберта магдебургскій судъ высказалъ сужденія, произведшія въ Германіи впечатлѣніе совершенно неожиданной сенсаціи. Въ ней говорится, что участіе Эберта въ забастовочномъ комитетѣ въ 1918 году совершенно независимо отъ субъективныхъ мотивовъ и намѣреній Эберта представляется государственной измѣной, такъ какъ всякое дѣйствіе могущее во время войны принести пользу непріятелю является въ чисто юридическомъ смыслѣ государственной измѣной. Въ политическую и моральную квалификацію дѣйствій Эберта судъ не счелъ необходимымъ входить.

Немедленно по объявленіи приговора представитель обвиненія и представители президента Эберта заявили, что они намѣрены обжаловать его.

Обвиняемый Ротардъ съ своей стороны заявилъ, что онъ принимаетъ приговоръ и не намѣренъ его обжаловать. Это заявленіе онъ мотивировалъ тѣмъ, что по признанію суда ему удалось доказать истинность обвиненій, выставленныхъ въ редактируемой имъ газетѣ противъ президента Эберта, а это и было его задачей.

Биржа.

Въ биллионахъ нар.

Валюта	24. 12. кож.	24. 12. проз.	23. 12. кож.	23. 12. проз.
Голланд. 100 гульд.	169,29	169,81	169,49	169,91
Бельгія . 100 фр.	20,88	20,94	20,97	20,93
Норвегія. 100 крон.	63,02	63,18	63,02	63,18
Дания . . 100 крон.	74,21	74,39	73,96	74,14
Швеція . 100 крон.	113,05	113,33	113,05	113,33
Лавдиръ. 100 гульд.	78,24	78,43	78,20	78,40
Финляндія 100 мар.	10,54	10,58	10,535	10,575
Италія . . 100 лиръ	17,94	17,98	17,99	17,63
Англія . . 1 фунтъ	19,705	19,755	19,745	19,795
С. Штаты 1 долл.	4,185	4,205	4,195	4,215
Франція 100 фр.	22,59	22,65	22,58	22,64
Швайцар. 100 фр.	81,32	81,52	81,20	81,58
Испанія 100 пес.	58,32	58,47	58,38	58,52
Япония . . 1 іенъ	1,605	1,612	1,605	1,612
Рio де Жанейро 1 милр.	0,479	0,481	0,479	0,481
Австрія . . 100000 кр.	5,902	5,922	5,907	5,927
Чехія . . . 100 крон	12,705	12,745	12,705	12,745
Югослав. 100 дин.	6,35	6,37	6,335	6,355
Австрія 100000 кр.	5,70	5,72	5,725	5,745

Слѣдующій номеръ „Руля" выйдетъ въ субботу 27 дек. въ три часа дня.

на скользкихъ полахъ средневѣковыхъ соборовъ и на столбахъ изъ песчанника. Я глядѣлъ на эти надгробные паспорта въ степяхъ и пустыняхъ, на чернавскомъ полѣ и на Константинопольскихъ поляхъ Мертвыхъ, на Волховомъ кладбищѣ и подъ Дамаскомъ, гдѣ среди песковъ стоятъ несмѣтные рогатые бугорки изъ глины въ видѣ сѣдла, въ московскомъ Донскомъ монастырѣ и въ Іосафатовой Долинѣ подъ Іерусалимомъ, въ Петропавловскомъ Соборѣ и въ катакомбахъ на Аппіевой дорогѣ, на берегахъ Бретани и въ сарійскихъ криптахъ, надъ прахомъ Данта и надъ могилой дурочки Ѳени въ Задонскѣ. А, есть отчего впасть въ парадоксальность, сударыня! Вы скажете, что вы говорили не о томъ. Васъ, какъ и многихъ другихъ, возмущаютъ надписи вотъ вродѣ этихъ, то есть тѣ, что вкривь и вкось покрываютъ развалины романтическихъ замковъ и башенъ, внутренность вышки надъ куполомъ римскаго Петра, ворота на Байдарскомъ перевалѣ, верхушку пирамиды Хеопса, скалы въ Дарьяльскомъ ущельѣ и въ Альпахъ, гдѣ онѣ бьютъ въ глаза надалека, пишутся запаслившими путешественниками красной и бѣлой краской? Васъ приводитъ въ негодованіе проявленіе пошлости, обывательщины, какъ говорятъ въ подобныхъ случаяхъ, дерзость мѣщанина, прикладывающаго свою руку всюду, гдѣ онъ ни ступитъ?

— Въ негодованіе я не прихожу, — сказала дама, — но что надписи эти въ достаточной мѣрѣ противны, не скрываю. Вы нынче въ философскомъ настроеніи и хотите высказать, очевидно, ту безспорную истину, что все, молъ, суета суетъ и что передъ лицомъ Господа Бога совершенно равны и Данте и какая-то Ѳеня. Молъ, рѣка временъ въ своемъ теченіи уноситъ всѣ дѣла людей, то есть и Хеопса, и Фрица, и Иванова перваго, и Иванова тысячу семьсотъ семьдесятъ седьмого. Вы эту Америку открыли? Да?

Но старичокъ только усмѣхнулся.

— Вы какъ нельзя болѣе проницательны, мой старый другъ, — отвѣтилъ онъ. За свою долгую жизнь я пришелъ къ чудовищнымъ выводамъ относительно человѣческаго ума и человѣческой освѣдомленности на счетъ даже самыхъ безспорныхъ истинъ и на счетъ возможности еще долго напоминать ихъ безъ всякаго риска. Кромѣ того, мнѣ просто всегда очень нравились старыя истины, съ годами-же я стаиовлюсь прямо обожателемъ ихъ, ибо вѣдь это только истерическимъ поросятамъ изъ нынѣшнихъ модернистовъ простительно думать, что міръ лѣтъ десять тому назадъ сталъ совершенно неузнаваемъ по сравненію со всей предыдущей мірозой исторіей. Было время, когда и я весьма немногимъ отличался отъ прочихъ. Прочіе посѣгали на Иванова седьмого, а я смотрю, было, на клинопись и думаю: «Хоть ты и Вавилонъ построилъ и Сезостриса, какъ говорится, на голову разбилъ, а дуракъ!» Ну, а теперь я снисходительнѣе отношусь и къ Навуходоносору, и къ Иванову.

— И даже съ нѣжностью, — сказала дама.

— И даже съ нѣжностью, — подтвердилъ старичокъ. Только я даже и въ былыя времена былъ порою ей подвержень. Вотъ хоть бы это: «посѣтили грѣшные». Помню, прочиталъ — и расчувствовался ужасно. Ахъ, до чего хорошо! Казалось бы, зачѣмъ они расписались? И что мнѣ въ этой Прасковьѣ, въ этомъ Ефимѣ? А вотъ хорошо и прежде всего, какъ разъ потому, что это не Карлъ Великій, а именно какой-то никому невѣдомый Ефимъ, оставившій для меня, ему тоже невѣдомаго, какъ бы частицу своей души въ одинъ изъ ея заѣзжихъ моментовъ. А эти изодранныя перстнями, точно паутиной покрытыя зеркала въ кабацкихъ кабинетахъ? Неужели они никогда не трогали васъ? Вѣдь вы только подумайте: тамъ гдѣ-то въ залѣ играла музыка, а нѣкто пьяный слушалъ, плакалъ, думалъ, что нѣтъ въ мірѣ несчастнѣе его судьбы, нѣтъ выше его чувствъ, и повторялъ, что его «лебединая пѣсня пропѣта», разрывать себѣ душу сладкими воспоминаніями о томъ будто бы счастьѣ, которое будто бы было «когда-то». Пошлость, цыганщина? Но развѣ важно, отчего именно счастливъ или несчастливъ человѣкъ? Всѣ слезы одинаковы, всѣ онѣ капли одной и той-же влаги. Да и не такъ ужъ отличенъ человѣкъ, отъ человѣка, дорогая моя!

— Меня комми-вояжеры, счастливы они или нѣтъ, все таки не умиляютъ, дорогой Алексѣй Алексѣичъ, — сказала дама.

— А въ иной часъ, — возразилъ старичокъ упрямо, — мнѣ чортъ съ ними, что онъ комми-вояжеръ. Я даже радъ, что онъ комми-вояжеръ, разъ этотъ иной часъ есть часъ его великой скорби или радости. Нѣтъ, надписи на зеркалахъ меня всегда ужасно трогали. Трогали и инициалы на скамейкахъ и деревьяхъ, вырѣзанные тоже по случаю того, что когда-то была чудесная весна: и «хороша и блѣдна какъ лилея въ той аллеѣ стояла она...» Тутъ опять тоже само: не все ли равно, чьи имена, чьи инициалы, — Гете или Фрица, Огарева или Ениходова, Лиды изъ «Дворянскаго гнѣзда» или горничной Паши? Тутъ главное все таки въ томъ, что была «до лаптя восходящая кровь» и завѣтная скамья, что «шиповникъ алый цвѣлъ» (и, конечно, отцвѣлъ въ свой срокъ), что блаженные часы проходятъ и что надо, необходимо (почему, одинъ Богъ знаетъ, но необходимо), хоть какъ-нибудь и хоть что-нибудь сохранить, то есть противопоставить смерти, отцвѣтанію шиповника. Тутъ вѣчная наша борьба съ «рѣкой забвенія». И что-жъ, развѣ эта борьба ничего не даетъ, развѣ она ужъ совсѣмъ безплодна? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Ибо вѣдь въ противномъ случаѣ все пошло бы къ чорту — всѣ искусства, вся поэзія, всѣ лѣтописи человѣчества. Зачѣмъ бы все это существовало, если бы мы не жили имъ, то есть, говоря иначе, не продолжали бы, не поддерживали жизнь всего того, что называется прошлымъ, бывшимъ? А оно существуетъ. У людей три тысячи лѣтъ навертываются слезы на глаза, когда они читаютъ про слезы Андромахи, прижимающей съ ребенкомъ на рукахъ Гектора. Я сорокъ лѣтъ умиляюсь, вспоминая умиленіе, съ которымъ выводили свои каракули Ефимъ и Прасковья. И посему да здравствуютъ во вѣки вѣковъ и Андромаха и Прасковья и Вертеръ и Фрицъ и Гоголь и Иванъ Ѳедоровичъ, полтораста лѣтъ тому назадъ скушавшій въ Миргородѣ дыню и записавшій сіе событіе!

И поднявшись со скамьи, старичокъ снялъ шляпу и, странно улыбаясь, размахнулся и потрясъ ею въ воздухѣ.

Ив. Бунинъ.